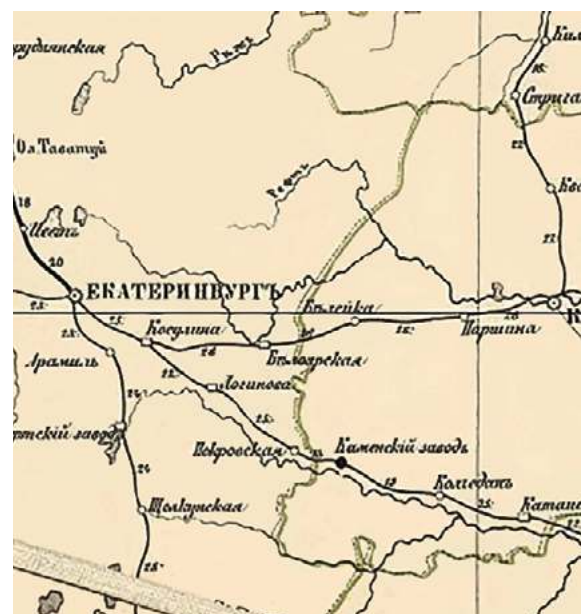

Павел Небольсин.
Все фото предоставлены автором

Почтовая карта 1881 года

Он отправился по своей воле, в дальний путь — из столицы в сибирский край, дабы заняться золотодобычей, а в итоге издал сочинения, которые и по сей день представляют значимость как для историков и этнографов, так и для широкого круга читателей. Результатом этой поездки стали три книги: «Поездка в Сибирь на золотые прииски» (1848), составленная на основе очерков в «Отечественных записках»; «Покорение Сибири» (1849) и особенно интересующие нас «Заметки на пути из Петербурга в Барнаул» (1850).

ПОЕХАЛИ!

«Изъ Петербурга можно достигнуть Тобольска тремя путями, и выборъ любаго изъ нихъ представляет довольно-затруднительную задачу для предпринимающаго путешествіе въ Сибирь. Первый трактъ, главный, пролегаетъ чрезъ Москву и Нижній-Новгородъ на Пермь; второй — чрезъ Рыбинскъ, Ярославль и Вятку тоже на Пермь; третій — чрезъ Вологду, Устюгъ-Великій на Верхотурье прямо въ Тобольскъ», — именно так, с описания возможного направления, начинается повествование книги Павла Небольсина «Заметки на пути из Петербурга в Барнаул».

Сам он отправился летом 1845 года под торжественные звуки почтового рожка каретой экстра-почты через

Москву. Так делали многие, кого привлекали «спокойный экипажъ, дешевизна и быстрота». Это был период золотой лихорадки, которая охватила не только Америку. В Сибири была разрешена частная золотодобыча, и попробовать поймать удачу мог каждый. В Архивном фонде Алтайского края хранится разрешение на золотой промысел в Сибири, выданное на имя коллежского асессора Небольсина. В путешествии у Павла Ивановича был и другой интерес: он приглядывался ко всему, что встречал на пути, изучал исторические документы и местные газеты, расспрашивал людей.

Путешествующим как частное лицо был известный историк, этнограф и литератор. Павел Небольсин родился в 1817 году в Нижегородской губернии в дворянской семье, высшее юридическое образование получил в Санкт-Петербургском университете. Служил в департаменте Правительствующего сената. Помимо юриспруденции увлекался естественными науками. Двадцатитвором создания Русского Географического общества (1845), он был в одном ряду с такими легендами, как адмиралы и мореплаватели Иван Крузенштерн, Фёдор Литке, Фердинанд Врангель, автор «Толкового словаря живого великорусского языка» Владимир Даль, академики Константин Арсенев, Василий Струве и др.

с оглавлением «Заметок»: «Выгъздъ изъ Петербурга. Остановка въ Торжкѣ. Торжокъ. Нижній-Новгородъ. Казань. Пермь и Екатеринбургъ. Тобольскъ. Бараба. Каинскъ. Колывань. Путь за Обью. Дневникъ неизвѣстнаго господина. Городъ Томскъ. Начало Колыванскихъ Заводовъ. Народонаселеніе Томской-Губерніи. Казаки на Руси до Петра Великаго. Старинные казаки въ Сибири. Нынѣшніе сибирскіе казаки. Нынѣшнія казачьи словія внѣ Сибири. Заграничная торговля въ Томскомъ Краѣ. Василій Сизыхъ. Выгъздъ изъ Томска. Тамбаръ. Томская-Тайга. Таежные анекдоты. Барнаулъ».

Каждая из глав — завершенное повествование, но в то же время, дополняя друг друга, главы выводят на общесибирскую тематику. Если вы хотите узнать историю недропользования, то найдете сведения от чудских копий до положения дел на современных Небольсину приисках. Интересуетесь казацкой темой — узнаете много специфического, что отличает именно сибирских казаков, каков их быт и традиции.

Что касается Томской губернии, то все здесь разложено «по полочкам», а точнее, по цифрам и фактам: географические особенности, экономическое положение, торговые связи, сословный состав народонаселения и все иные стороны жизни. Повествование дополняют статистические отчеты, вырезки из газет, другие документы. В каждом абзаце — масса интересной и емкой информации. Вот, например: «Томская-Губернія раздѣлена на шесть округовъ: 1) Томскій въ 5,000 квадр. миль, равняется всей Пруссіи; 2) Каинскій въ 2,000 кв. миль, равняется Неаполю и Сициліи; 3) Барнаульскій 1,300 кв. миль, равняется Баварскому Королевству; 4) Колыванскій въ 1,000 кв. миль, равняется Бельгіи съ Нидерландами; 5) Бійскій въ 3,500 кв. миль; равняется всей Германіи, за исключеніемъ Австріи и Пруссіи; и 6) Кузнецкій въ 1,300 кв. миль, равняется Сардинскому Королевству».

Но если кому-то покажется, что из-за обилия цифр читать «Заметки» затруднительно, то это не так — язык повествования у Небольсина легкий и образный, зачастую он использует диалоги или эмоциональные монологи своих собеседников, много колоритных и юмористических моментов, есть и детективные линии. Автор приводит перевод географических названий, использует словарь топонимов, применяет образные сравнения. Словом, написано вкусно. Посудите сами: «Въ Сибири собранія въ губернскихъ городахъ не имѣютъ названія «дворянскихъ», за неимѣніемъ дворянъ — поземельныхъ владѣльцевъ. Тамъ помѣщичьи имѣнія въ-отношеніи къ пространству Сибири и къ ея населенности представляютъ такую же пропорцію, какъ небольшая горошинка къ Александровской-Колоннѣ. Оттого и собранія именуются не дворянскими, а благородными.

Тонъ поговорокъ ямщикекъ на цѣлую октаву ниже мѣщанскаго тона.

Ихъ напѣвъ, напимѣръ, пѣсень «Во саду ли въ огородѣ», «Среди долины ровныя» и дошедшей уже до нихъ «Не шей ты мнѣ, матушка, красный сарафанъ» точно такъ же относится къ напѣву этихъ пѣсень у насъ, какъ залежалый вѣникъ къ букету ландышей».

Небольсин дает новое представление об азиатской части России. В отличие от многих ранее путешествовавших по этим местам он увидел, как изменилась Сибирь со времен ее освоения. Омский историк Анатолий Ремнев в своей статье «Призрак сепаратизма» подметил: «П.И. Небольсин писал, что в 1840 годы Сибирь, может быть, несколько утратила в глазах русского крестьянина ореол «края особенно привольного», но зато простой народ переставал дичиться ее. Сюда все чаще едут вольные переселенцы, работники отправляются

на прииски не потайными тропами, а «с законным паспортом за пазухой». Даже ссылка постепенно теряла свое устрашающее воздействие. Хотя и медленно, но шел процесс постепенного крушения стереотипа Сибири как «царства холода и мрака».

КРУПНЫМ ПЛАНОМ

На Алтай Небольсин прибыл весной 1846 года. В завершающей главе «Заметок», которая называется «Барнаул», собственно и описывается то, зачем Павел Иванович направлялся сюда как частное лицо — участие в золотодобыче. Прииск неподалеку у тощего ручья, что впадает в Больше-Никульскую речку, большой выгоды не сулил — был уже больше половины выработан, «...золотосодержащіе пески давно промыты и обмѣнены на наличныя деньги и, такимъ образомъ, въ этомъ мѣстѣ образовались, такъ-сказать, двѣ улицы, одна въ другой: между горъ — долина, посерединѣ долины — корридоръ вынутыхъ уже песковъ». Чтобы читателю было понятно, как все это выглядело на самом деле, Небольсин предложил мысленно прогуляться по питерскому Пассажу. «Пусть представить себѣ читатель, что галерея Пассажа, начиная отъ Невскаго-Проспекта, идетъ все въ гору, и что именно верхняя галерея представляетъ земную поверхность, покрытую лѣсомъ... По-мѣрѣ того, какъ приискъ разрабатывали и вынимали изъ него сперва пустую землю, а потомъ пески съ золотомъ, постепенно открывался и нижній ярусъ Пассажа...» и т.п.

Поскольку ручеек пересох и мыть золото было нечем, Небольсин с напарником в ожидании дождей бродили по окрестностям и любовались «игрою солнечных лучей въ ограненныхъ самую природою плоскостяхъ безчисленнаго множества разнородныхъ камешковъ, вкропленныхъ мощною силою въ огромные валуны конгломератовъ, которые выплыли своими вершинами изъ-подъ подпочвеннаго камня, сплошною массою разлитаго по дну корридора, образовавшагося отъ выемки золотосодержащихъ песковъ изъ площади». Многие вещи, не обладая геологическими знаниями, Павел Иванович объяснить не умел, зато смог их описать так, что любой разведчик недр заинтересуется. Собрав кое-какое золото, сложив его в опечатанные бараньи рукавицы, наконец-то наш путешественник отправляется в Барнаул.

Часть главы о пребывании в центре горнозаводского округа опубликована во втором томе изданного

в 2017 году пяти томника «Алтай в трудах ученых и путешественников XVIII — начала XX веков». Но еще раньше она буквально разошлась на цитаты. Высказывания Небольсина известны многим барнаульцам: «Красивенький городок»; «Барнаул мне кажется чистым уголком Петербурга»; «Он похож на заграничный европейский городок»; «Музыка, книги, русские и иностранные газеты и журналы, танцы, домашние спектакли — здесь необходимая насущная потребность, и вследствие всего этого Барнаул, как оазис в пустыне, как приют всего прекрасного, не может не оставить в каждом, кто только хоть один раз в нем побывал, самых отраднейших, самых чистых воспоминаний»; «В Барнауле особенное внимание любопытных обращают на себя: памятник Демидову, обсерватория, ботанический сад, типография, публичный музей».

Однако читать главу стоит целиком. В тексте много интересных подробностей. Например, характерно и информативно описание дома купца Степана Алексеевича, где квартировал Небольсин: «Я и не мечтаю о комфорте. Здесь мне отвели два прекрасные зала, обширные и высокие, в двух-этажном каменном доме. Широкая лестница вела в переднюю, оттуда в первую залу, заставленную комодами под покрывкой ковров, диванчиками и китайскими столиками с инкрустацией и живописью золотом по черному дереву. Другой зал был весь белый с мраморными досками на столах и подоконниках; скромная безрезцовая мебель обита была яркою материей красного цвета; два большие зеркала в золотых рамах висели в простинках. За право помещения, пользование услуг, за обед, и ужина, весьма-хорошо приготовленные и за порядочный экипаж, дрожки, с меня запросили шесть или семь рублей ассигнациями в сутки. Такая дешевизна меня удивила: у Альбиноса, в Томске, за все это, с примесью лачужного помещения, пришлось бы заплатить рублей пять серебром».

Но еще притягательнее описание заводского производства. За нынешними останками корпусов серебряно-плавильного завода мы мысленно пытаемся увидеть, что происходило там в былые времена. И Небольсин дает нам такую возможность: «Пройдя несколько отделений завода, я вступил в обширную, светлую, высокую и прохладную залу. Здесь нашел я несколько горных служителей и урядников, поодаль стояли рабочие в особых одеждах, накинутах сверх-

обыкновенного платья и придававших обыкновенным людям странный, даже, если угодно, страшный вид. На каждом из сих последних надеты были толстые войлочные балахоны, но они закрывали собою только переднюю часть рабочего и сидели на нем, как лапы. Люди были в войлочных шапках, затнявших лицо и предлинных войлочных рукавицах, выше локтя. Посреди зала стояла огромная печь, чрезвычайно-красивой формы; она была украшена императорским гербом; двуглавые орлы виднелись в разных местах. Внутри печи что-то страшно хлопотало; кругом слышался глухой шум».

То, что происходило после того, как принесенное им золото взвесили, высыпали в карандашный горшок и подготовили к переплавке, автор описывает как завораживающее зрелище: «В это время один из рабочих, костюмированных в войлочные латы, длинным шестом отодвинул задвижки и отворил дверцы печи. Перед нами раскрылся целый ад — миниатюр; мы взглянули на страшную массу ослепительного огня и поспешили закрыть глаза, будучи не в силах перенести жгучие переливы бледного пламени: в трех аршинах от жерла жар был нестерпим и мог бы спалить платье, если бы встать прямо перед растворенною печью... В то же время, когда один рабочий раскрыл печь, другой рабочий, особенного рода хватом, стиснул мой драгоценный горшочек и осторожно поставил в печи рядом с другим, очень-большим и внушительным мне огромное уважение своим объемом, чужим горшком. Гигант и пигмея захлопнули в одной печи».

Обогатиться, увы, Небольсину не удалось. «Мне, владыцу одного пая, не приходилось даже и пылинки золота! Теперь я ясно увидел, что сибирское золото ко мне не благоволяет, что оно никак не дается мне в руки. Компания наша, из-за сибирского золота, была в наклад, в огромном убытке: обогатились только прежние управляющие... Впрочем, нет: наши прииски не им одним дали кусок хлеба: я забыл массу народа, который на наших приисках употребил в дело свой честный труд, про рабочих: в этом отношении сибирское золото много добра деляет».

Куда более значимым оказался итог литературного труда Павла Ивановича.

Кстати, полную версию «Заметок» можно найти в Интернете: Lib.ru/Классика/Небольсин. ❏